

Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 153–158. ISSN 1998-0817

Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 153–158. ISSN 1998-0817

Научная статья

5.9.5. Русский язык. Языки народов России

УДК 821.161.1.09"19"

EDN НКХWMY

<https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-153-158>

СТЕРЕОТИПЫ СТИЛИСТИЧЕСКОГО РАССЛОЕНИЯ ЛЕКСИКИ В ПЬЕСЕ «БЕСПРИДАНИЦА» А.Н. ОСТРОВСКОГО

Ганцовская Нина Семёновна, доктор филологических наук, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Цинь Лидун, аспирант, Костромской государственной университет, Кострома, Россия, qinlidong@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу стилистического расслоения лексики пьесы А.Н. Островского «Бесприданница» в аспекте *книжное/разговорное* в интерпретации этапов её создания в трудах В.Я. Лакшина и С.Н. Кайдаш-Лакшиной. Авторы статьи и здесь продолжают свою традиционную линию наблюдений над художественно-стилистическим мастерством драматурга, в основном опираясь на роль условных союзов, многообразных и частотных лексико-грамматических единиц в речи героев его произведений, способных выступать как сильное средство стилистического расслоения текста в заданном аспекте. При этом немалое внимание уделяется и характеристике собственно лексических средств с признаками *книжности/разговорности* в речи всех героев данной пьесы Островского, что обогащает стилистический фон произведения и делает более выразительной роль его маркёров-стереотипов – условных союзов. Делается вывод о том, что данные качества речей героев пьесы служат надёжным способом их индивидуализации в соответствии с социальным статусом и ситуацией общения.

Ключевые слова: Островский, «Бесприданница», Лакшин, Кайдаш-Лакшина, книжность/разговорность, условные союзы.

Для цитирования: Ганцовская Н.С., Цинь Лидун. Стереотипы стилистического расслоения лексики в пьесе «Бесприданница» А.Н. Островского // Вестник Костромского государственного университета. 2026. Т. 32, № 1. С. 153–158. <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-153-158>

Research Article

STEREOTYPES OF STYLISTIC STRATIFICATION OF VOCABULARY IN THE PLAY “WITHOUT A DOWRY” BY ALEXANDER OSTROVSKY

Nina S. Gantsovskaya, DSc in Philology, Kostroma State University, Kostroma, Russia, gantsovsky_n@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2896-064X>

Qin Lidong, Postgraduate, Kostroma State University, Kostroma, Russia, qinlidong@mail.ru

Annotation. The paper analyses the stylistic stratification of the vocabulary of the play “Without a Dowry” by Alexander Ostrovsky from a literary/colloquial perspective, as interpreted through the stages of its development in the works of Vladimir Lakshin and Svetlana Kaidash-Lakshina. The article authors continue their traditional trend of observation of the playwright’s artistic and stylistic mastery, relying primarily on the role of conditional conjunctions, diverse and frequent in the speech of the characters and able to serve as a powerful means of the text stylistic stratification. Considerable attention is also paid to the characteristics of lexical devices with literary/colloquial characteristics in the speech of all the characters in Ostrovsky’s play, which enriches its stylistic background and enhances the role of its stereotypical markers – conditional conjunctions. It is concluded that these qualities of the characters’ speech in the play serve as a reliable way of their individualisation in accordance with their social status and communication situation.

Keywords: Alexander Ostrovsky, “Without a Dowry”, Vladimir Lakshin, Svetlana Kaidash-Lakshina, bookish Vs colloquial, conditional conjunctions.

For citation: Gantsovskaya N.S., Qin Lidong. Stereotypes of stylistic stratification of vocabulary in the play “Without a Dowry” by Alexander Ostrovsky. Vestnik of Kostroma State University, 2026, vol. 32, no. 1, pp. 153–158 (In Russ.). <https://doi.org/10.34216/1998-0817-2026-32-1-153-158>

В настоящее время «Бесприданница» А.Н. Островского признана одной из лучших пьес драматурга. Она не сходит со сцен театров России, профессиональных и самодеятельных, много раз удачно экранизирована, её выражения давно стали крылатыми, а имена персонажей – нарицательными. В 2023 г. (1923–2023 гг.) отмечался 200-летний юбилей со дня рождения Александра Николаевича Островского, который совпал с юбилеем Владимира Яковлевича Лакшина, одного из лучших островсковедов, в интерпретации которого мы представляем эту пьесу позднего периода деятельности драматурга. В.Я. Лакшин обладал даром дать краткую, но объективную и убедительную характеристику того или иного момента творчества А.Н. Островского, познавательно ценную для любой читательской среды. Дело его впоследствии, когда Владимир Яковлевич уже ушёл от нас, в определённой степени продолжила его жена – выпускница МГУ, филолог-исследователь и писатель Светлана Николаевна Кайдаш-Лакшина. Именно в их интерпретации, с их комментариями в данной статье осуществлен анализ языка пьесы А.Н. Островского «Бесприданница».

«Бесприданница» напечатана в 3-м томе «Сочинений» А.Н. Островского, опубликованных перед 165-летним юбилеем драматурга [Островский 1987]. В комментариях В.Я. Лакшина отмечается, что пьеса впервые увидела свет в журнале «Отечественные записки», № 1 за 1879 г., рассказывается о первоначальном её сюжете, где «едва просвечивают контуры характеров будущих героев «Бесприданницы» («фразёра» Паратова, «задумчивой» Ларисы) и кинешемской версии сюжета. Также говорится о том, что «работой над “Бесприданницей”» драматург был, очевидно, занят уже с сентября 1875 г., но в решающую стадию она вступила в сентябре – октябре 1876 г.». О своём «сороковом оригинальном произведении», которое Островский старался «отделать самым тщательным образом», он писал 1 октября 1876 г. Ф.А. Бурдину из Щелькова, а 3 ноября 1878 г. Островский сообщал ему: «Пьесу свою я уже читал в Москве пять раз, в числе слушателей были лица и враждебно расположенные ко мне, и все единогласно признали “Бесприданницу” лучшим из всех моих произведений» [Лакшин 1987: 509]. После окончания пьесы он в письменной форме отметил: «*Этой пьесой начинается новый сорт моих произведений*» (выделено нами. – Н. Г., Ц. Л.) [Лакшин 1987: 509]. К этим знаменательным словам мы ещё вернёмся.

Далее он рассказывает о сценической судьбе пьесы и даёт объяснение её лексики и словосочетаний, трудных для понимания современным читателем, особое внимание, как всегда, уделяя краткому толкованию значимых имён и фамилий произведения.

Надо сказать, что традицию осмысливания антропонимов пьес А.Н. Островского в духе В.Я. Лакшина, важное для сюжетного развития произведения, успешно продолжает щельковский исследователь Нина Семёновна Тугарина. Хочется также обратить внимание на удачные комментарии В.Н. Некрасова к этой пьесе такого же типа, как и у В.Я. Лакшина, но ещё более краткие в силу специфики издания пьес для школьников, составление и послесловие к которым принадлежит А.И. Журавлёвой [Островский 1985]. Также здесь в очередной раз считаем уместным подчеркнуть многовековую живую силу языка героев произведений Островского, как бы его бессмертие, его «понятность» и в настоящее время, что отражает устойчивость и единство русского языка во времени и пространстве и важно для сохранения связей поколений, о чём выразительно сказал в 1923 г. С.К. Шамбинаго, автор и редактор сборника, посвящённого столетнему юбилею со дня рождения драматурга: «При всём разнообразии красочного и образного, меткого и острого, почти не переводимого на другие, язык героев Островского... остаётся вполне доступным для читателя: то, что говорят действующие лица, нами понимается без затруднений и исчерпывающе» [Шамбинаго: 336].

Светлана Николаевна Кайдаш-Лакшина в своей книге «Летописи жизни и творчества А.Н. Островского. Статьи» [Кайдаш-Лакшина] пошагово и более детально, день за днём, дополняет сведения Владимира Яковлевича, касающиеся творческой биографии драматурга, восстанавливает события, связанные с созданием «Бесприданницы». Так, например, она сообщает, что М.Е. Салтыков, получив согласие, просит Островского дать новую пьесу в № 1 журнала «Отечественные записки»: **25 октября**. Островский в письме к Ф.А. Бурдину извещает его, что рукопись отправляется в Петербург, что он сам приедет и прочтёт пьесу артистам, что нужно, чтобы скорее её одобрили Комитет и цензура, и «Савина, при её средствах, должна свести с ума публику» [Кайдаш-Лакшина: 119]. Савиной предназначалась роль Ларисы. **10 ноября**. Премьера «Бесприданницы» в московском Малом театре в бенефис Н.И. Музиля. **22 ноября**. Первое представление «Бесприданницы» в Александринском театре в бенефис Ф.А. Бурдина, но он был болен и в спектакле не участвовал. Островский в театре не был, а сидел у больного Бурдина. «Вызовом не было конца...» **Без даты**. В течение года в Малом театре прошли 11 пьес Островского, в Александринском театре – 12 пьес, в провинции и столичных клубах – 35 пьес [Кайдаш-Лакшина: 118–120]. С.Н. Кайдаш-Лакшина пишет о Владимире Яковлевиче последних 1990-х гг., когда он был «как всегда, обострённо внимателен к текущим событиям»: «Публицистика этих лет собрана мною в посмертно из-

данной книге “Берега культуры”... в эту книгу включена и статья “Словарь, или загадка Островского. О книге, которая не вышла (170 лет со дня рождения великого драматурга)”... В статье о “Словаре” он пишет: “Язык – вернейший симптом душевного здоровья нации. Пока существует избыток оттенков живой речи, пока идёт процесс расширения лексической вселенной, обогащения и переосмысления понятий, рождения новых психологических и логических связей, пока язык радуется внезапными находками, острыми изобретениями народного ума, пока в нём сохраняется историческая память о слове предков – можно считать, что народ, его носитель, находится на подъёме, народная душа не сохнет, а расправляется и полнится жизнью” [Кайдаш-Лакшина: 199].

Эти слова В.Я. Лакшина о творческих силах народного русского языка целиком приложимы к любому из драматических произведений А.Н. Островского и, может быть, в более значительной мере – к его пьесе позднего периода – «Бесприданнице», которую недаром он провозгласил «новым сортом» своих произведений. В книге В.Я. Лакшина «А.Н. Островский», посвящённой жизненной и творческой судьбе великого русского драматурга и поискам Островского в определении загадок русского национального характера, обращают на себя внимание следующие строки: «На рукописи «Бесприданницы» Островский пометил “opus 40”. Он вёл строгий счёт своим оригинальным сочинениям и на сей раз возлагал на “юбилейную” пьесу большие надежды. Начальнику репертуара П.С. Филиппову он писал, посылая рукопись: “Этой пьесой начинается новый сорт моих произведений”. Пьеса и впрямь была необычайна» [Лакшин 2004: 642–643].

Действительно, тут, по сравнению с предыдущими этапами творчества А.Н. Островского, мы видим (воспользуемся выражением известного исследователя его творчества И.А. Овчининной) новый этап «движения времени». По сравнению с 1840–60 гг. изменяется социальный фон событий провинциальной русской жизни, появляются новые, более элитные персонажи, чем прежние домостроевского типа купцы вроде Большова и Ахова, «крупные дельцы последнего времени» с их новым мировоззрением, знанием французского языка, любители красивой жизни и утончённых женщин, с относительно «правильным» языком, близким к современному литературному. Однако они ещё свободно вписываются в старый ветхозаветный быт русской провинции и не теряют с ним связи также и в области языка и особенностей словоупотребления. Это сказывается в основном на степени (количественной и качественной) использования контрастных стилистически речевых средств, что в иной терминологии можно назвать сильной или слабой позицией черт книжности

и разговорности в их речи (о сильной и слабой позиции разговорности в оппозиции к книжности, что актуально и для любых стилей и жанров художественной литературы, см. в: [Левин]).

Мерилом сильной позиции разговорности в пьесе является наличие диалектных (местных, территориальных) признаков, главным образом лексических, но и лексико-грамматических также, в речи героев пьесы. Мы по-прежнему выбираем наиболее доказательным маркером демократических особенностей языка героев (разговорности) и языка окружающих их персонажей служебные части речи, а именно – условные союзы, в силу их высокой речевой частотности (частотности) и промежуточного положения между лексикой и грамматикой. Как известно, лексика обладает большими аффективно-стилистическими возможностями, чем грамматика, но грамматические особенности речи – более устойчивые показатели степени развития норм русского языка. Союзы *если* и *коли*, по данным «Частотного словаря языка А.Н. Островского» [Частотный словарь], принадлежат к 1000 самых частотных слов в творчестве А.Н. Островского. Союз *если* называют лексическим примитивом в силу того, что он не требует семантических пояснений, однозначен, нетолкуем, но, по нашему мнению, то же можно сказать и по отношению к другим моносемантическим союзам – *коли*, *ежели*, *кабы*, и судьба его в русском языке по многим причинам иная, чем остальных условных союзов.

Рассмотрим проявление стилистики книжности/разговорности в речи персонажей пьесы в зависимости от их социального статуса, с тем чтобы выявить степень проявления демократических тенденций развития русского литературного языка конца 70-х гг. XIX в., которое непосредственно зависит от концентрации черт разговорности в речи действующих лиц пьесы в приволжской провинции. «Действие происходит в настоящее время, в большом городе Бряхимове на Волге», – читаем мы в ремарке А.Н. Островского к Действию первому [Островский 1987: 284].

В избранном нами плане – наблюдению над степенью концентрации черт разговорности на фоне обязательной книжности сценической речи – «лица» пьесы можно разделить на две группы.

1-я группа, с преобладанием этих черт, – это малообразованные люди непривилегированных классов, прежде всего обслуживающий персонал местной публики с концентрированно поданными чертами аффективной народно-разговорной речи. Это Гаврило, *клубный буфетчик и содержатель кофейной на бульваре*, Иван, *слуга в кофейной*, в некоторой степени Илья-цыган и Евфросинья Потаповна, *тётка Карандышева*.

2-я группа – это «крупные дельцы последнего времени» Мокий Пармёныч Кнуров, Василий Дани-

лыч Вожеватов и Сергей Серейч Паратов, бедный чиновник Юлий Капитоныч Карандышев и небогатая мещанская семья, но входящая в «светскую» элиту города – вдова Харита Игнатъевна Огудалова и её дочь бесприданница Лариса Дмитриевна. Интересно, что отчества мужчин в перечне «лиц» даны Островским не в кодифицированной, а в разговорной форме (например, Пармёныч, а не Пармёнович). Речь указанных персонажей, хотя и не чужда аффектированных разговорных выражений, в основном литературно нормирована, книжно-нейтрального характера, нередко содержит сложноорганизованные книжные синтаксические построения из многих компонентов. Однако благодаря мастерству Островского мы этого не замечаем: они доступны для понимания и легко воспринимаются на фоне общей разговорной стилистики текста, хотя разговорность тут присутствует обычно в виде отдельных лексических сигналов. Робинзон, он же спившийся актёр Аркадий Несчастливцев, как носитель языка представляет собой нечто среднее между первой и второй группой. Его остроумная, яркая речь, наполненная сиюминутными афоризмами и каламбурами, носит разговорный характер, но в основном в пределах её логичного книжно-литературного построения.

Обратим внимание на начало театрального действия. В ремарке автора к Явлению первому Действия первого сказано: «Гаврило стоит в дверях кофейной. Иван приводит в порядок мебель на площадке». Далее как ориентир направления действия и одновременно подачи событий в ключе живой разговорной речи, что можно расценить как глоттопрогноз, в виде интермедии изображается непринуждённая беседа этих весьма умудрённых жизнью людей. Из неё становятся ясными место, время и суть происходящих событий, тут эскизно характеризуются будущие его участники. Дело происходит на Волге, в городе, которым вполне может оказаться Кострома. Это легко определить по особенностям речи персонажей, характерным для окаяющих территорий центральной России. Во-первых, начальная форма имени *Гаврило*, данная автором, с окончанием *-о*, а не обычным *-а*, говорит о севернорусских особенностях его склонения; во-вторых, постпозитивная частица *-то* после слова *народ*: «Никого народу-то нет на бульваре» [Островский 1987: 284], в третьих, многократно повторяющееся окончание *-у* в форме род. п. ед. ч. конкретных и отвлечённых существительных с ограничительным значением (части чего-либо, временного пользования и др.); *народу-то, чайку, кипятку, для моциону, без моциону, для аппетита*, которое конкурирует с *-а*; в-четвёртых, лексические особенности и характерные устойчивые сочетания общерусского характера, наиболее характерные для центра России: *по старине живём, к пи-*

рогу да ко шам, хлеб-соль, «проминать себя», в лета войти, идол и др. В их речи дважды встретились условные союзы, но аффектированного, народно-разговорного характера. У Гаврилы (*-а*) – *коли* и *кабы* (*Как же ты хочешь, чтобы он разговаривал, коли у него миллионы* [Островский 1987: 285]; *Он и живёт здесь неподолгу от этого самого, да и не жил бы, кабы не дела* [Островский 1987: 285]). У Ивана – *когда* и *коли* (*Да как же играть с Вами, когда вы денег не платите!* [Островский 1987: 340]; *Это я очень-с. Коли спросить чего угодно, мы подадим; знавши Сергей Сергейича и Василья Даниловича, какие они господа, мы обязаны для вас кредит сделать-с; а игра денег требует-с* [Островский 1987: 285]).

В 40–80-х гг. XIX в., как известно из ряда лингвистических источников и как ранее мы установили это на материале пьес А.Н. Островского и драматургов его круга, ещё широко употреблялись ныне почти забытые (но имеющиеся в пассивном запасе литературного языка) аффектированные союзы *коли*, *кабы*, *когда*, *как* и др. наряду с бесконкурентным сейчас нейтральным союзом-моносемантом *если*. В середине XX в. и далее основная конкуренция в их употреблении происходила между союзами *коли* и *если*, которые имели, в отличие от сегодняшнего дня, мотивированное использование не только в определённой языковой ситуации и лексическом окружении, но прежде всего в связи с социально-образовательным расслоением носителей языка. Оно стояло в связи с их умением (или отсутствием его) пользоваться книжно-литературными правилами речевого общения в определённых ситуациях. Союз *коли*, как и другие аффектированные союзы, обычен у малообразованных людей, с низким социальным статусом, лишённых навыков владения книжной литературной речью, с единственно доступной им формой речевой деятельности – разговорно-просторечной.

Однако и в речи достаточно образованных персонажей, у которых предпочтение находил союз *если*, в определённых условиях (обычно неофициального общения) намеренно или спонтанно мог использоваться и союз *коли*, как и другие аффектированные союзы. В «Бесприданнице» союз *коли* употребляется 9 раз, из них только три раза – в речи людей первой группы, а *если* – 22 раза. Союз *коли* есть и у Вожеватова (наряду с единичными *кабы*, *когда* и *если*), и Карандышева (*коли* и *когда* – по одному разу, *если*, *если б* – 5 раз), и Огудаловой (три раза наряду с *кабы*, *когда*, *как* и два раза с нейтральным *если*). Хотя Харита Игнатъевна Огудалова не отличается особой образованностью, в её речи встречаются сложные синтаксические конструкции с несколькими предикативными единицами. Они включены в её развёрнутый ответ Ларисе в форме монолога, где есть и книжные выражения («сделай милость», «отды-

хай душой», «Заболотье не Италия», «обязана тебе сказать», «разочаруешься»), но содержится и просторечный условный союз *как*: «*Да разве я тебя отговариваю? Поезжай, сделай милость, отдыхай душой! Только знай, что Заболотье не Италия. Это я обязана тебе сказать; а то, как ты разочаруешься, так меня же будешь винить, что я тебя не предупредила*» [Островский 1987: 309]. Это же сочетание книжности и разговорности демонстрирует монолог Ларисы с многочисленными придаточными с союзом *если* (признак книжности), но с элиминированным главным предложением (признак разговорности): «*Лариса. Но что меня заставило... Если дома жить нельзя, если во время страшной, смертельной тоски заставляют любезничать, улыбаться, навязывают женихов, на которых без отвращения нельзя смотреть, если в доме скандалы, если надо бежать и из дому и даже из городу?*» [Островский 1987: 317]. В речи умной и утончённой Ларисы только по одному разу встретились союзы *кабы* и *когда*, но 11 раз *если*.

Синтаксически сложны, но лексически немногословны и по-книжному логично построены и ответы Паратова Ларисе типа: «*Очень просто; потому что если мужчина заплачет, так его бабой назовут; а эта кличка для мужчины хуже всего, что только может изобрести ум человеческий*» [Островский 1987: 317]. При единичном *коли* Паратов 6 раз употребляет *если*. Хотя это делец и хищник, но он образован и хорошо владеет разными формами речи, книжной и разговорной. Он цитирует Шекспира и Шиллера, однако не чуждается и простонародных выражений, которым научился у бурлаков и которых он уважает, о чём запальчиво сообщает разборчивому в выражениях Карандышеву, брезгливо относящемуся к народной речи: «*я сам такой же бурлак*» [Островский 1987: 319].

Вожеватов умеет изъясняться логично, точно, но молод, игрив и любит по-народному поговорить пространно и афористично. Например, остроумно отказываясь пить плохое вино, говорит: «*Не нашему носу рябину клевать, рябина – ягода нежная*» [Островский 1987: 328]. Недаром его шутовство Гаврило характеризует как «малодушество», сравнивая его разговорчивость с величественным молчанием среди «простой» публики «идола» Кнурова, у которого миллионы: «*Василий Данилыч ещё молод; малодушеством занимается; ещё мало себя понимает; а в лета войдёт, такой же идол будет*» [Островский 1987: 285]. Кнуров образован: читает французские газеты, ездит в Париж на выставки. В его речи преобладает *если* (6 раз), но есть и просторечное *как*. Речь мудрого Робинзона многообразна (сочетает книжные и просторечно-разговорные элементы), выразительна и точна: каламбуры так и сыплются из него. Он дважды употребляет *если* и 1 раз *коли*.

Употребительность *если*, в три раза численно превосходящее *коли*, – это убедительная победа универсального по своим грамматико-стилистическим качествам нейтрального моносемантического союза *если* над аффектированными условными союзами во главе с *коли* и пролог к будущей норме литературного языка, установившейся в конце XIX – начале XX в. И главная причина этого сложного статистического явления лингвистики – экстралингвистическая. Это отражение в речи социального расслоения общества, кастовость выработки норм рафинированного русского литературного языка. Интересно отметить, что в белорусском языке, даже в научном стиле, утвердился как литературный союз *калі*, поскольку в основе литературного белорусского языка лежат собственные диалекты, в русском же литературном языке, экстравертном по происхождению, иной, хотя и близкородственный язык (болгаро-македонский), пришедший в церковнославянской форме. Союз *если* сложился к XVII в. (из *есть+ли*), как нейтральный и однозначный, быстро завоевал лидирующие позиции и вытеснил на периферию (в пассивный запас русского литературного языка) остальные союзы, которые продолжали употребляться в русских диалектах.

В отношении показателей степени развития различных средств национального русского языка пьесы А.Н. Островского представляют собой богатый материал, одним из важных достоверных показателей этого являются условные союзы. Это обусловлено как высокой степенью употребительности условных конструкций во всех сферах русского языка и их способностью объективно точно и разнообразно отобразить в различных сферах, книжных и разговорных, состояние речевой действительности своего времени, так и высоким изобразительно-выразительным мастерством А.Н. Островского, величайшего знатока всех сфер русского языка.

Список литературы

Источники

Островский А.Н. Бесприданница // Островский А.Н. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Пьесы, 1873–1883 / сост. и коммент. В. Лакшина. Москва: Художественная литература, 1987. С. 274–355.

Островский А.Н. Пьесы: в 2 ч. Ч. 2 / сост., посл. А.И. Журавлёвой; коммент. В.Н. Некрасова. Москва: Просвещение, 1985. 240 с.

Исследования

Кайдаш-Лакшина С.Н. Летопись жизни и творчества А.Н. Островского. Статьи. Москва: Лазурь, 2013. 240 с.

Лакшин В.Я. Бесприданница // Островский А.Н. Сочинения: в 3 т. Т. 3. Пьесы, 1873–1883 / сост. и ком-

мент. В. Лакшина. Москва: Художественная литература, 1987. С. 508–514.

Лакшин В.Я. А.Н. Островский. 3-е изд. Москва: Гелиос, 2004. 768 с.

Левин В.Д. Литературный язык и художественное повествование // Вопросы языка современной русской литературы. Москва: Наука, 1971. 461 с.

Частотный словарь языка А.Н. Островского // А.Н. Островский. Энциклопедия / гл. ред. И.А. Овчинина. Кострома: Костромаиздат; Шуя: ШГПУ, 2012. С. 530–658.

Шамбинаго С.К. Из наблюдений над творчеством Островского // Творчество А.Н. Островского: юбил. сб. / под ред. С.К. Шамбинаго. Москва; Петроград, 1923. С. 336–365.

References

Chastotnyi slovar' iazyka A.N. Ostrovskogo [Frequency dictionary of the language A.N. Ostrovsky]. *A.N. Ostrovskii: Entsiklopediia* [A.N. Ostrovsky: Encyclopedia], ch. ed. I.A. Ovchinina. Kostroma, Kostromaizdat Publ.; Shuia, ShGPU Publ., 2012, pp. 530–658. (In Russ.)

Kaidash-Lakshina S.N. *Letopis' zhizni i tvorchestva A.N. Ostrovskogo: stat'i* [Chronicle of the life and work of A.N. Ostrovsky: articles]. Moscow, Lazur' Publ., 2013, 240 p. (In Russ.)

Lakshin V.Ia. *Bespridannitsa* [Without a Dowry]. *Ostrovskii A.N. Sochineniia* [Ostrovsky A.N.: essays], in 3 vols. Vol. 3: P'esy, 1873–1883 [Plays, 1873–1883], comp. and comment V. Lakshin. Moscow, Khudozhestvennaia literatura Publ., 1987, pp. 508–514. (In Russ.)

Lakshin V.YA. *A.N. Ostrovskij* [A.N. Ostrovsky], 3rd ed. Moscow, Gelios Publ., 2004, 768 p. (In Russ.)

Levin V.D. *Literaturnyj yazyk i hudozhestvennoe povestvovanie* [Literary language and artistic narrative]. *Voprosy yazyka sovremennoj russkoj literatury* [Questions of the language of modern Russian literature]. Moscow, Nauka Publ., 1971, 461 p. (In Russ.)

Shambinago S.K. *Iz nablyudenij nad tvorchestvom Ostrovskogo* [From observations on Ostrovsky's work]. *Tvorchestvo A.N. Ostrovskogo: yubil. sb.* [The works of A.N. Ostrovsky: anniversary collection], ed. by S.K. Shambinago. Moscow; Petrograd, 1923, pp. 336–365. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 05.12.2025; одобрена после рецензирования 20.12.2025; принята к публикации 29.12.2025.

The article was submitted 05.12.2025; approved after reviewing 20.12.2025; accepted for publication 29.12.2025.